

A movie poster featuring a woman with dark hair and a man with a beard on a red carpet. The woman is in the foreground, looking slightly to the side. The man is behind her, looking towards the camera. In the background, another couple is visible on the red carpet, and there are bright lights and cameras. The text is in Russian.

СОНА СКОФИЛД

ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ.
МУЖ ОТДАЛ
ЛЮБОВНИЦЕ МОЮ
ГЛАВНУЮ РОЛЬ

Сона Скофилд

После измены. Муж отдал любовнице мою главную роль

<https://litres.ru/74251427>

SelfPub; 2026

Аннотация

На презентации нового фильма я узнаю: муж-продюсер отдал мою главную роль молодой любовнице. Вместе с ролью он рассчитывает сохранить контроль над моим именем, карьерой и даже тем, как я должна пережить его измену.

Мне сорок пять. Вместо привычной жизни у меня два чемодана, заявление на развод и предложение пройти пробы в сериал, продюсер которого прекрасно помнит мой давний отказ. Роман Градов не собирается делать мне скидку — ни как актрисе, ни как женщине. Он раздражает меня своей привычкой решать все заранее. Но первым спрашивает, чего хочу я.

Чтобы вернуться на экран, мне придется доказать, что новая роль получена не из жалости и не ради скандала. А чтобы начать любовь, в которой меня действительно видят, — перестать ждать чужого разрешения на собственную жизнь.

Содержание

ГЛАВА 1. Чужое имя в титрах	4
ГЛАВА 2. Два чемодана	18
ГЛАВА 3. Проба без скидок	34
ГЛАВА 4. Контракт	48
ГЛАВА 5. Первый стол	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сона Скофилд

После измены. Муж отдал любовнице мою главную роль

ГЛАВА 1. Чужое имя в титрах

За десять минут до начала презентации Владислав попросил меня не задавать вопросов со сцены.

Он сказал это, не отрываясь от планшета. На экране сменяли друг друга слайды: фасад нашего театра, афиши прошлых сезонов, фотография съемочной группы будущего фильма. До последнего слайда он не долистал.

— Какие именно вопросы тебя беспокоят? — спросила я.

— Никакие. Просто держись утвержденного текста.

— В утвержденном тексте нет имени актрисы.

Владислав наконец поднял голову. На нем был темно-синий костюм, который я выбрала для прошлогодней премии. Тогда он говорил, что один не отличит хороший пиджак от дорогого. Сегодня рядом с ним работали стилист, помощница и два человека из агентства, но костюм остался моим выбором.

— Поэтому объявлю я, — ответил он. — Это продюсерская часть.

Из зала донеслась короткая проба микрофона. Потом техник попросил прибавить свет на заднике. В театре перед началом всегда наступал момент, когда десятки людей говорили одновременно, но каждый занимался своим делом. Только Владислав сейчас изображал занятость. Я знала его достаточно давно, чтобы отличить работу от способа не продолжать разговор.

— Мы договорились, что я пройду пробы, — сказала я.

— Мы договорились обсудить участие.

— Обсуди.

Он посмотрел на часы.

— После презентации.

Помощница режиссера просунула голову в дверь и сообщила, что гостям уже наливают воду. Владислав сразу повернулся к ней и спросил, рассадили ли представителей платформы. Разговор закончился без грубости, с деловым основанием, которое невозможно было оспорить, не превратившись в капризную актрису перед выходом.

Двадцать два года брака научили меня видеть этот прием. Они же научили соглашаться с ним.

Я вышла в боковой коридор. Там меня ждала Варвара, прижимая к груди папку с эскизами. Она закончила летнюю практику у художника по костюму и сегодня помогала команде с образцами тканей для фильма. Дочь была в черной

рубашке, широких брюках и кедах, на подошвах которых оставалась светлая пыль из мастерской.

— Папа опять перенес разговор? — спросила она.

— До конца презентации.

— Значит, решение уже есть.

Я поправила застёжку на ее папке, хотя та не нуждалась в помощи.

— Решение есть всегда. Вопрос в том, кто его слышал.

Варя хотела ответить, но нас позвали на сцену. Она ушла к костюмерам, а я встала за кулисой рядом с Владиславом. Между нами поместились ведущая, директор по маркетингу и два микрофонных кабеля. Прежде мы находили возможность коснуться друг друга даже в такой тесноте. Сейчас он проверял текст на карточке.

Зал был заполнен чуть больше чем наполовину. Первые ряды занимали журналисты, партнеры театра и сотрудники платформы, заказавшей фильм. Дальше сидели актеры, постоянные зрители, блогеры и люди, чьи обязанности я не знала. На третьем ряду я заметила Алису Левину.

Она играла у нас второй сезон. Тридцать один год, хорошая пластика, точная память, привычка приходить за сорок минут до вызова. В прошлом декабре мы вместе репетировали спектакль, где она была моей дочерью. Алиса быстро принимала замечания и ни разу не попыталась перетянуть сцену на себя. Я считала ее талантливой.

Она сидела между агентом и нашим директором по мар-

кетингу. На ней было красное платье без сценической театральности, волосы убраны, лицо подготовлено к крупным фотографиям. Алиса увидела меня и сразу перевела взгляд на сцену.

Этого движения хватило, чтобы я перестала ждать хороших новостей.

Презентация началась с короткого ролика о театре. На экране я прожила пятнадцать лет за девяносто секунд: первые афиши, гастроли, пустой зал во время ремонта, премьеры пьесы, которую теперь собирались экранизировать. В финале появилась сцена с моим монологом. Я стояла у окна декорации и говорила женщине в первом ряду, хотя по тексту обращалась к мужу.

Эту пьесу мы выпустили двенадцать лет назад, когда театр еще занимал арендованный зал на окраине и считал каждую неделю до очередного платежа. На первой читке моя героиня казалась автору женщиной, которая терпит из любви. К премьере мы вместе с режиссером нашли другое основание: она терпела, потому что боялась признать собственное участие в удобной лжи. Роль менялась с моим возрастом. Я сыграла ее четыреста восемнадцать раз и знала, где зритель начинал оправдывать мужа, а где переставал.

Это не делало роль моей собственностью. Я не могла запретить другой актрисе читать тот же текст и не собиралась. Но Владислав девять месяцев говорил об экранных пробах как о совместном следующем шаге. Я просила сценарий,

освобождала возможные даты, отказалась от двух гастрольных недель. Теперь понимала, что все это время готовилась к разговору, которого он не планировал.

Зал зааплодировал. Владислав сделал шаг к микрофону.

— Этот фильм станет самостоятельной историей, — начал он. — Мы сохраним силу пьесы, но создадим новое произведение для экрана. Поэтому часть творческих решений может удивить наших постоянных зрителей.

Я смотрела на монитор у кулисы, избегая его взгляда. Маркетолог включил следующий слайд.

Фамилию Алисы набрали крупнее названия фильма.

Ниже стояло: исполнительница главной роли.

Ведущая повернулась ко мне. Она знала сценарий вечера и, судя по ее лицу, этого слайда в утренней версии не видела. В зале уже двигались телефоны. Алиса поднялась с места и пошла к сцене.

Я отступила на полшага, освобождая ей проход.

— Марина Сергеевна, — сказала ведущая, — вы много лет играли эту героиню в театре. Как относитесь к новому прочтению?

Владислав едва заметно качнул карточкой. Просил держаться текста, которого у меня не было.

Я посмотрела на Алису. Она остановилась у ступеней и ждала ответа вместе со всем залом.

— Экранная роль начинается с проб, — сказала я. — Я их не видела и не буду оценивать чужую работу до первого

кадра. Алисе желаю выдержки. Она ей понадобится.

Это была правда. Только не вся.

Ведущая поблагодарила меня и передала слово Алисе. Та говорила о доверии продюсеров, ответственности и уважении к сценической версии. Текст был выучен хорошо. На фразе о моем опыте она впервые сбилась, быстро нашла нужное слово и продолжила.

Дальше мы обсуждали сроки, будущие площадки, обновленные декорации и музыкальную тему. Я отвечала на вопросы о театре, потому что театр оставался моей работой до окончания вечера. Владислав ни разу ко мне не повернулся.

После официальной части гостей пригласили в фойе. Фотографы попросили нас задержаться. Сначала снимали Владислава с Алисой, потом всю творческую группу. Помощник махнул мне из-за камеры, предлагая встать рядом.

— Марина, сюда, пожалуйста. Один общий кадр.

Я подошла. Алиса оказалась между мной и мужем. Фотограф попросил нас стать ближе.

— Так хорошо. Владислав Павлович, руку чуть выше. Алиса, подбородок на свет. Марина Сергеевна, улыбку.

— Я готова, — ответила я.

Он посмотрел в экран камеры, но спорить не стал.

После третьего кадра я вышла из группы. Журналистка из отраслевого издания успела задать вопрос, не чувствую ли я себя обойденной. Я сказала, что сегодня представляю театр, а личное мнение о кастинге сообщу после того, как

узнаю его основания. Потом нашла помощницу Владислава и попросила передать: жду его в малой переговорной.

У выхода к лестнице меня остановил Константин Ильич, один из первых партнеров театра. Он поздравил с экранизацией и спросил, появлюсь ли я хотя бы в эпизоде. Рядом стоял его помощник с включенным телефоном, поэтому я ответила, что переговоры о моем участии не велись. Константин Ильич нахмурился и произнес привычное: «Но вы же лицо этой истории». Я поблагодарила его за мнение и не стала исправлять. Лицом называли того, кого удобно поставить на афишу. Решение все равно принимали люди, чьи фамилии печатали мельче. Сегодня я впервые увидела разницу так ясно.

Комната находилась за репетиционным залом. В ней стояли овальный стол, шесть стульев и шкаф с папками прошлых сезонов. Я открыла окно на несколько сантиметров. В зале работала вентиляция, здесь после долгого дня пахло пылью и кофе из автомата.

Владислав пришел через двенадцать минут. Я засекала время не из ревности. У актеров между сценами тоже бывает двенадцать минут, и за них можно сменить костюм, поправить грим и успеть на выход. Он потратил их на интервью.

— Не мог уйти раньше, — сказал он, закрывая дверь. — Партнеры.

— Когда были пробы Алисы?

— В июле.

— Сколько этапов?

— Три.

— Когда ее утвердили?

Он положил планшет на стол.

— В середине августа.

Двадцать второго августа мы завтракали на даче у его сестры. Я спросила, когда получу материал для проб. Владислав ответил, что сценарий еще меняется и спешить некуда.

— Значит, двадцать второго ты уже знал.

— Знал.

— Почему не сказал?

— Хотел провести презентацию без семейной драмы.

— Для этого достаточно было поговорить со мной до нее.

— Ты бы отказалась участвовать.

— Да.

Он сел напротив, оставив планшет справа от себя. Так он вел переговоры: свободные руки, ровная спина, предметы не мешают смотреть на собеседника. Когда-то я считала эту собранность привлекательной. Теперь видела последовательность хорошо отработанных действий.

— Фильм не выдержит сравнения с записью спектакля, если повторить тот же состав, — сказал он. — Нужна другая энергия, другое лицо. Ты сама понимаешь рынок.

— Я понимаю, что актрисе можно отказать после проб. Мне не дали возможности их пройти.

— Потому что решение было бы тем же, а унижение силь-

нее.

— Ты решил избавить меня от унижения, объявив все перед камерами?

Он провел ладонью по краю стола. Не от злости. Просто проверял, как перейти к следующей части.

— Я не хотел, чтобы это выглядело личным.

— А это личное?

Владислав помолчал. В коридоре кто-то рассмеялся, затем звук удалился к лестнице.

— Да, — сказал он.

Я ждала продолжения. Он не пытался спросить, о чем именно я догадалась.

— Сколько? — спросила я.

— Четырнадцать месяцев.

Я пересчитала автоматически. Прошное лето, наша поездка в Кострому, мой день рождения, его операция на колене, Новый год у Вариных друзей, весенняя премьера. За четырнадцать месяцев помещалось достаточно обычных дней, чтобы роман нельзя было назвать ошибкой.

— С Алисой?

— Да.

— Она знала, что мы живем вместе?

— Мы с ней говорили о том, что наш брак давно стал партнерством.

— Со мной ты об этом не говорил.

— Марина, мы оба видели, что происходит.

— Я видела, что ты поздно возвращаешься, закрываешь два проекта и почти не спишь. Ты называл это работой.

— Потому что не знал, как начать.

— Сегодня начал с фамилии на экране.

Владислав поднялся, подошел к шкафу и тут же вернулся. В комнате было некуда ходить, не превращая разговор в репетицию.

— Я не хочу войны, — сказал он. — Ни за театр, ни за квартиру, ни за Варю. Мы можем сделать все спокойно.

— Ты уже сделал.

— Я подготовил предложение. Оно справедливое.

Он разбудил планшет, открыл файл и повернул экран ко мне. Вверху стояло название: «Совместное заявление Марины и Владислава Астаховых».

Первый абзац сообщал, что мы давно и по взаимному решению живем как друзья. Второй просил уважать личную жизнь Алисы и не связывать кастинг с семейными обстоятельствами. Третий обещал, что я продолжу работу в театре и поддержу фильм.

— Ты написал за меня, — сказала я.

— Агентство написало. Формулировки можно поправить.

— Смысл нельзя.

— Если сейчас выйдет скандал, пострадают десятки людей.

— Эти люди работают по договорам. За их работу отвечают продюсеры. Мое молчание не входит в бюджет фильма.

Он оперся ладонями о стол.

— Что ты собираешься делать?

Вопрос прозвучал впервые за весь вечер. Я могла ответить сразу: уйти, подать на развод, больше не выйти на эту сцену. Все три решения казались ясными, пока не требовали даты, денег и документов.

— Сегодня я ничего не подпишу, — сказала я. — Завтра заберу личные документы и вещи. Дальше ты будешь говорить с моим адвокатом.

— У тебя нет адвоката.

— Завтра будет.

— Не принимай решения в таком состоянии.

— В каком?

Он не нашел слова, которое не прозвучало бы оскорблением. Вместо ответа вернул планшет к себе.

— Ты сейчас злишься.

— Да. Это не лишает меня дееспособности.

— Я прошу дать мне неделю.

— Для чего?

— Чтобы разойтись нормально.

— Нормально было сказать мне в прошлом июле. Или в августе. Или сегодня утром. Неделя тебе нужна для кампании, не для нашего брака.

Он сел. На мгновение я увидела уставшего мужчину, с которым прожила больше половины взрослой жизни. Это не изменило ни даты проб, ни четырнадцати месяцев.

— Без театра тебе будет трудно, — сказал он. — Я не угрожаю. Ты давно не снималась, а рынок жесткий. Здесь у тебя роли, афиша, зритель.

— Значит, обсудим мой трудовой договор отдельно от развода.

— Ты думаешь, все так просто?

— Нет. Поэтому мне нужен адвокат.

Я встала. На спинке стула висел мой жакет. Владислав потянулся помочь, как делал много лет, но я взяла вещь сама.

— Марина, — сказал он, — не выходи через фойе. Там журналисты. Я попрошу открыть служебный выход.

— Я пришла через главный.

— Они увидят, что ты уезжаешь одна.

— Сегодня это точная информация.

В коридоре уже разбирали переносной свет. Рабочие скручивали кабели, гости расходились небольшими группами. У лестницы меня догнала Варвара.

— Мам, ты куда?

— В бабушкину квартиру.

— Что случилось?

Я посмотрела на людей рядом. Двое операторов складывали стойки, помощница Алисы искала чехол от платья, возле гардероба журналист записывал голосовое сообщение. Ни одно место здесь не подходило для разговора с дочерью.

— Я расскажу тебе завтра. Сама. Не спрашивай сейчас папу.

— Это про Алису?

Я не ответила быстро, и этого хватило.

Варя отвела взгляд к закрытой двери переговорной.

— Я поеду с тобой.

— Нет. У тебя папка в костюмерной и завтра практика. Я доберусь сама. Напиши, когда будешь дома.

— Ты уверена?

— В этом — да.

Я обняла ее. Варя держала меня осторожно, будто боялась причинить боль, которую еще не понимала. Я не стала просить крепче. Дочери не требовалось доказывать, на чьей она стороне, в первые пять минут после моего разговора с мужем.

В фойе оставались три камеры. Я прошла к гардеробу, получила пальто и дождалась, пока гардеробщица найдет мой шарф. Журналистка с презентации подошла ближе.

— Марина Сергеевна, один вопрос. Вы поддерживаете выбор Алисы Левиной?

— Я уже ответила со сцены.

— А почему вы уезжаете одна?

— Потому что у меня одна машина.

Она улыбнулась, но микрофон не убрала.

— Ваш муж остается с Алисой?

— Этот вопрос задайте моему мужу.

Я вышла на улицу. Машина стояла в соседнем переулке, где я оставляла ее перед спектаклями. До квартиры у Сокола

было около сорока минут. Ключи лежали в боковом кармане сумки с тех пор, как мы закончили разбирать мамины вещи. Я собиралась отдать жилье в аренду, но каждый месяц находила причину отложить.

В салоне я включила свет и написала Юлии Серовой.

«Утром нужен семейный адвокат. И список открытых кастингов для женщин сорока пяти лет. Именно в таком порядке».

Юлия прочитала сообщение через минуту.

«Адвокат будет в десять. Кастинг пришлю раньше».

Я выключила свет, завела двигатель и выехала из переулка. Впервые за вечер мне не требовалось ждать, когда Владислав закончит говорить.

ГЛАВА 2. Два чемодана

В половине восьмого утра Варвара написала, что ждет меня во дворе. Я уже успела принять душ, выпить кофе из единственной целой чашки и составить список того, что собиралась забрать из Хамовников.

Квартира у Сокола досталась мне после смерти мамы. Последние три года я использовала ее как склад для костюмов, книг и вещей, которые не помещались в нашу с Владиславом общую жизнь. Теперь выяснилось, что для отдельной жизни там не хватало полотенец, нормального матраса и привычки просыпаться в одиночестве.

Я открыла записку в телефоне и еще раз просмотрела пункты: паспорт, свидетельство о браке, документы на мамину квартиру, договоры с театром, выписки по моим счетам, лекарства, рабочая одежда. В список не вошли фотографии, подарки и сервиз, который мы выбирали к двадцатилетию свадьбы. Разбирать двадцать два года за один час было не только больно, но и непрактично.

Варвара сидела за рулем своей маленькой машины и держала обе руки на руле, хотя мотор был выключен.

— Ты спала? — спросила она, когда я села рядом.

— Несколько часов.

— Папа дома.

Я пристегнулась.

— Он подтвердил?

— Написал, что будет ждать до девяти. Потом у него встреча.

Слова прозвучали буднично. Варвара смотрела перед собой, на закрытые ворота соседнего двора. Ей было двадцать два, она сама оплачивала часть аренды мастерской, спорила с художниками о фактуре ткани и не нуждалась в родительской версии, где взрослый ребенок будто ничего не замечает. Но я все равно хотела на несколько минут вернуть ей право не знать.

— Вчера Владислав сказал мне, что встречается с Алисой Левиной четырнадцать месяцев, — произнесла я. — Он отдал ей роль до того, как сообщил мне, что проб для меня не будет. Я ушла и намерена подать на развод.

Варвара медленно повернула голову.

— Четырнадцать?

— Да.

— Он говорил, что вы давно живете каждый своей жизнью?

— Он говорил это Алисе или тебе?

— Мне. Ночью. Когда я спросила, что происходит.

Я положила телефон экраном вниз.

— Мы жили в одной квартире, вместе ездили к его матери, обсуждали отпуск и ужинали, если совпадал график. У нас были проблемы. Решения о расставании не было.

— Я не хочу выбирать, кто из вас прав, прямо сегодня.

— И не должна.

— Ты сейчас так говоришь, а через неделю попросишь меня передать ему документы или спросить, где он был.

В ее словах звучала заранее выстроенная оборона. Значит, она уже бывала между нами, только я предпочитала этого не замечать.

— Не попрошу. Если начну, останови меня. Все сообщения по разводу пойдут через адвоката. По семейным делам ты сама решишь, когда и с кем разговаривать.

Она кивнула, но облегчения на ее лице не появилось.

— Я поеду с тобой наверх.

— Для этого и позвала. Не для защиты. Мне нужен свидетель того, что я забираю только личные вещи и документы.

— Я поняла.

В квартире пахло вчерашним кофе и парфюмом Владислава. Алисиных духов я не обнаружила и была благодарна хотя бы за отсутствие дешевого театрального реквизита в реальной ссоре.

Владислав открыл нам сам. На нем были брюки и белая рубашка без пиджака. Он всегда одевался перед сложным разговором так, словно мог провести его по заранее утвержденной повестке.

— Варя, доброе утро. Марина, я приготовил ключи. Не стоило приезжать так рано.

— Время согласовал ты.

— Я предлагал вечером.

— Вечером спектакль.

Он отступил, пропуская нас в прихожую.

— Ты все-таки выйдешь?

— До выполнения согласованных дат. С постоянным составом я решу сегодня.

— Не принимай решения на эмоциях.

Я сняла с крючка запасной комплект ключей от маминой квартиры. Вчера искала его в сумке и не нашла.

— Я приехала за вещами. Остальное обсудят юристы.

— Нам не нужны юристы, чтобы разделить две квартиры.

— Одна квартира моя по наследству. Вторая относится к совместному имуществу. Уже поэтому нам нужны люди, которые умеют формулировать точнее тебя.

Варвара прошла в гостиную и остановилась у окна. Она не вмешивалась, но Владислав несколько раз посмотрел в ее сторону, будто ждал, что дочь смягчит мою реплику.

Я поставила открытый чемодан на кровать и начала складывать одежду. Три рабочих платья, два костюма, джинсы, обувь, белье. Владислав вошел следом.

— Ты всерьез собираешься жить там?

— Я там уже живу.

— В квартире, где ремонт делали пятнадцать лет назад?

— Электричество и вода работают. Остальное можно исправить.

— Марина, я не выгонял тебя.

Я закрыла отделение чемодана и посмотрела на него.

— Ты подготовил любовнице мою роль, а мне — заявление о дружеском расставании. Остаться после этого было бы моим решением, не твоей добротой. Я его не принимаю.

— Алиса прошла пробы.

— Когда?

Он задержался с ответом на долю секунды. В театре такой паузы хватало, чтобы зритель понял больше, чем персонаж собирался сказать.

— Кастинг шел несколько недель.

— Назови дату первой закрытой пробы.

— У меня нет календаря перед глазами.

— Зато у меня есть письма, где ты до прошлой пятницы обещал обсудить со мной материал.

— Я надеялся найти решение, которое всех устроит.

— Ты нашел. Алиса получила роль. Ты получил удобную версию расставания. Мне оставалось сыграть благодарную бывшую жену.

Он потер переносицу.

— Мы снова говорим так, будто я выбросил тебя из профессии. У тебя театр, имя, публика.

— Это не дает тебе права обещать мне пробу, когда выбор уже сделан.

— Выбор делал режиссер.

— Тогда почему ложь исходила от тебя?

Владислав не ответил. Я достала из шкафа папку с оригиналами документов и позвала Варвару. При ней мы сверили

содержимое: мой паспорт, страховые бумаги, свидетельство о браке, документы на автомобиль, диплом, старые договоры, свидетельство о праве на мамину квартиру.

— Документы на хамовническую квартиру у меня в сейфе, — сказал Владислав.

— Пришли копии адвокату, когда получишь запрос.

— Ты уже нашла адвоката?

— Сегодня встречусь.

Он посмотрел на дочь.

— Варя, оставь нас на пять минут.

— Нет, — ответила она. — Мама попросила меня быть здесь, пока забирает вещи. Я буду здесь.

В ее голосе не было выбора стороны. Она просто исполнила обещание, и мне стало стыдно за облегчение, которое я почувствовала.

Второй чемодан заполнили обувь, косметика, зарядные устройства и несколько книг с моими пометками. Я взяла мамину брошь, лежавшую в верхнем ящике, но оставила подаренное Владиславом кольцо. Не потому, что оно вдруг стало грязным или опасным. Просто сейчас я не хотела решать, кому принадлежит дорогая вещь, купленная в браке.

На кухне я сфотографировала общий вид бытовой техники и мебели. Анна Михайловна, с которой Юлия договорилась ночью, прислала короткое сообщение: ничего не вывозить из общего имущества, зафиксировать состояние квартиры, забрать личные документы, не подписывать новые бу-

маги.

Владислав заметил телефон.

— Ты опись составляешь?

— Фиксирую состояние.

— Я не собираюсь выносить мебель.

— Хорошо.

— Ты мне не веришь.

— Сейчас я проверяю факты. Вера будет плохой заменой документам.

Он подошел ближе, понизив голос:

— Вчерашняя запись уже разошлась. Если мы оба промолчим несколько дней, все утихнет. Не надо подавать иск в момент, когда идет запуск картины.

— Я подам его тогда, когда готова прекратить брак. Запуск картины не относится к семейному праву.

— Относится к моей работе.

— Мой брак тоже относился к твоей работе, пока его можно было показывать журналистам.

Варвара взяла один чемодан. Я подняла второй и остановилась в прихожей.

— Остальные вещи позже перечислит Анна Михайловна. Без Вари.

— Ты можешь хотя бы не втягивать дочь в юридический спектакль?

Варвара развернулась раньше меня.

— Пап, я приехала по собственной воле. И больше пере-

давать ваши сообщения не буду. Ни ее тебе, ни твои ей.

Он открыл рот, потом кивнул.

— Хорошо. Я услышал.

У лифта Варвара долго нажимала кнопку, хотя она уже горела.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодари меня за то, что я не дала вам остаться вдвоем. Я сделала это для себя тоже.

— Понимаю.

— И я буду видеться с папой.

— Это ваши отношения.

— Даже если он останется с Алисой?

Мне хотелось ответить быстро и безупречно. Вместо этого я выбрала правду, которая требовала усилия.

— Мне может быть неприятно. Но я не стану устанавливать тебе правила. Только не рассказывай мне о них, если я не спрошу.

— Справедливо.

Мы отнесли чемоданы к ней в машину и поехали в театр. Там я попросила у администратора копию трудового договора, справку о начислениях и список утвержденных спектаклей до конца октября.

Заведующая труппой Лидия Аркадьевна закрыла дверь кабинета и сняла очки.

— Владислав еще не приезжал. Ты уверена, что хочешь подавать заявление сегодня?

— Да. Я отработаю спектакли, на которые уже проданы билеты, если театр письменно подтвердит даты и замену начнут готовить сейчас.

— Он может не согласовать увольнение так быстро.

— По договору я предупреждаю заранее. Все, что выходит за срок, возможно только по отдельному соглашению.

Она взяла мой лист и прочитала дважды.

— Здесь нет ни слова о вчерашнем.

— Это заявление об уходе, не интервью.

— Тебя будут спрашивать.

— Я отвечу, когда решу.

Лидия Аркадьевна положила документ на стол.

— Ты была лицом театра десять лет.

— Я была актрисой театра двадцать. Лицо оказалось временной должностью без договора.

Она вздохнула и предложила оставить копию у секретаря с отметкой о получении. Я так и сделала. Потом мы подписали предварительный перечень шести спектаклей переходного периода: четыре в сентябре и два в октябре. Если театр готовил замену раньше, меня освобождали без штрафов. Ни одного устного обещания.

В коридоре висели афиши с моими фотографиями. Снимать их никто не бросился. Театр продолжал продавать билеты, пока его ведущая актриса уходила от владельца, и это было честнее многих слов Владислава: учреждение защищало расписание.

Варвара ждала у служебного входа.

— Поедешь со мной к адвокату? — спросила я.

— Нет. У меня примерка. И, кажется, это тот разговор, куда мне как раз не надо.

— Согласна.

Она обняла меня быстро, не дав превратить прощание в семейную сцену.

Офис Анны Михайловны находился в старом деловом центре возле Цветного бульвара. В приемной не было кожаных диванов и фотографий с известными клиентами. На стене висела лицензия, на столе лежали три одинаковые синие папки.

Анна оказалась женщиной примерно моего возраста, с короткой стрижкой и спокойным голосом. Она не сказала, что понимает, как мне тяжело. Сначала проверила паспорт, потом спросила, есть ли несовершеннолетние дети и согласен ли супруг на развод.

— Дочь взрослая. Согласия, судя по вчерашнему разговору, он не даст.

— Тогда обращаемся в суд. Его несогласие может увеличить срок, но не дает ему права сохранить брак бессрочно. Суд вправе назначить время для примирения. Если вы подтвердите решение после этого, брак расторгнут.

— Имущество делится там же?

— Можно объединить требования, но в вашем случае разумнее развести процессы. Сначала заявление о расторже-

нии брака. Параллельно соберем сведения об имуществе и предложим нотариальное соглашение. Если переговоры не дадут результата, подадим отдельный иск.

Она не обещала закончить все за месяц и не называла Владислава проигравшим. Передо мной лежала процедура, а не сцена возмездия.

Я передала ей копию подготовленного заявления о мирном расставании и открыла почту с письмами Владислава о роли.

— Это важно для развода?

— Для самого расторжения — почти нет. Для защиты от ложных публичных утверждений может иметь значение. Перешлите оригиналы писем с техническими заголовками, ничего не редактируйте. И сохраните запись презентации из открытого источника.

— Я хочу понять, что делать со счетами.

— Сначала составить перечень. Ваши личные, его личные, общие накопления, доли в компаниях, недвижимость, автомобиль. Не переводить общие деньги без консультации и не пытаться получить доступ к его кабинетам или устройствам. Мы работаем только с тем, к чему у вас есть законный доступ, а остальное запрашиваем официально.

— У меня около двух миллионов восьмисот тысяч на вкладах и текущем счете. Деньги заработаны в браке.

— Значит, учитываем их. Квартира у Сокола?

— Наследство от матери.

— При обычных обстоятельствах это ваше личное имущество. Нужны документы о наследовании. Квартира в Хамовниках приобретена в браке?

— Да. Большую часть первого взноса внес Владислав, но ипотеку платили из общих доходов.

— Закажем независимую оценку. Вы хотите там жить?

— Нет. Хочу получить справедливую стоимость своей доли и не зависеть от его компании.

Анна записала ответ.

— Тогда сразу предложим выкуп с понятным графиком и обеспечением платежей. Если он откажется, будем рассматривать продажу доли или судебный раздел. Важно: до оценки не называйте сумму и не обещайте отказаться от претензий в обмен на быстрое согласие на развод. Это разные вопросы.

— Он попытается связать их.

— Многие пытаются. Наша задача — не поддерживать эту связь документами.

Мы заполнили заявление. В графе о невозможности сохранения семьи я написала сухо: совместная жизнь прекращена, примирение невозможно. Четырнадцать месяцев измены в формулировку не вошли. Суду не требовалась драматургия, чтобы принять мое решение всерьез.

Анна назначила помощнику подачу документов на понедельник и дала мне перечень нужных выписок. Я оплатила аванс со своего счета. Сумма оказалась ощутимой, но понятной: конкретная работа за конкретные деньги.

На улице я увидела пять пропущенных от Юлии.

— Только не говори, что передумала работать, — сказала она вместо приветствия. — У меня для тебя роль и очень плохое совпадение.

— В таком порядке звучит терпимо. Я еду к тебе.

Юлия снимала небольшой офис рядом с киностудией. На столе рядом с ноутбуком лежали распечатанные сцены и открытая пачка крекеров.

— Шестисерийная драма, — сказала она. — Рабочее название «Чужая версия». Женщина приезжает на похороны сестры и узнает, что вся семья двадцать лет жила по ложному свидетельству. Главная роль, сорок — пятьдесят. Режиссер Инга Рябцева.

— А плохое совпадение?

Юлия развернула ноутбук. Внизу кастингового письма стояло: генеральный продюсер — Роман Градов.

Девять лет назад я согласилась на его фильм, прошла финальные пробы и вышла из проекта за четыре дня до подписания договора. Владислав убедил меня, что финансирование сомнительное, график разрушит сезон, а режиссер использует наше имя для поиска денег. Я отправила официальное письмо через агента и не позвонила Роману сама. Через месяц проект закрыли.

— Он меня не возьмет.

— Решает не он один. Открытые пробы проводит кастинг-директор, Инга смотрит материал. Заказчик просит

несколько кандидаток.

— Градов может снять мою фамилию еще до просмотра.

— Может высказать мнение. Но письмо пришло по общей рассылке, и критерии подходят. Ты хочешь роль?

Я прочитала сцену. Героиня допрашивала старого семейного врача, но не ловила его на оговорке. Она слушала, как человек выбирает между правдой и привычной ложью. В тексте не было просьбы вызвать слезу на третьей странице. Был партнер и действие.

— Да.

— Тогда записываем самопробы сегодня. Если откажут, у нас останется отказ по работе, а не твоя догадка.

— У меня спектакль вечером.

— Уложимся за два часа. Свет поставлен. Партнера позвала.

Я посмотрела на себя в зеркало у шкафа. После бессонной ночи лицо выглядело старше рекламной фотографии на сайте театра. Для героини это подходило. Для моего самолюбия — тоже.

— Дай десять минут прочитать обе сцены.

Юлия кивнула и протянула карандаш.

Вторая сцена была тише первой: женщина просила взрослого племянника не подтверждать ее версию из жалости. Я дважды споткнулась о длинную реплику, потом поняла, что ее нельзя произносить как исповедь. Персонаж устанавливал правило разговора. Я перестала искать красивую интонацию.

Партнером оказался выпускник театрального института Сергей, которого Юлия представляла на небольших ролях. Он не пытался мне понравиться и честно перебил там, где его герой должен был потерять терпение.

Первый дубль я остановила сама.

— Я показываю, что мне больно, раньше, чем он успевает причинить боль. Еще раз.

— Камера пишет, — предупредила Юлия.

— Пусть пишет. Отправим то, что выдержит просмотр.

На втором дубле я слышала Сергея. На третьем убрала паузу, которую слишком хорошо знала по сцене. Юлия просмотрела материал и выбрала второй.

— Представление в начале, — напомнила она.

Я встала на метку. В театре перед выходом меня объявлял администратор, имя печатали на афише крупнее названия пьесы. Здесь требовалось самой назвать себя в объектив, рядом с ростом, возрастом и доступными датами.

Фамилия Астахова двадцать два года была моей рабочей фамилией. Владислав не подарил мне ее вместе с ролью и не мог забрать вместе с браком. Вернусь ли я к Савельевой, решу после развода, когда это станет моим выбором, а не жестом в ответ на измену.

Юлия включила запись.

— Готова?

— Да.

Я посмотрела прямо в камеру.

— Марина Астахова, сорок пять лет. Рост сто шестьдесят восемь. Свободна для очных проб восьмого сентября.

Юлия остановила запись и сразу отправила файл. Кнопка не изменила мою жизнь и не обещала роль. Она только зафиксировала, что в день после ухода я снова попросила оценивать мою работу.

ГЛАВА 3. Проба без скидок

Восьмого сентября я приехала в «Контур» за сорок минут до назначенного времени и двадцать из них просидела в машине. Раньше ранний приезд означал дисциплину. В тот день он означал, что дома я не могла больше читать одну и ту же сцену.

За выходные произошло немного. Помощник Анны подтвердил подачу заявления, театр прислал подписанный перечень переходных спектаклей, а в газетах мое имя еще дважды соединили с фотографией Алисы. Один заголовок сообщал, что я «уступила дорогу молодой звезде». Второй уверял, что Владислав готовит «новую семейную главу». Я не открыла ни один текст полностью.

Студия занимала два этажа бывшего издательского корпуса. На проходной меня попросили паспорт, выдали карточку гостя и направили в зал ожидания. Никаких портретов Романа Градова на стенах не было. В коридоре стояли складные стулья, кулер и табличка с просьбой отключить звук телефонов.

Передо мной пробовались четыре женщины. Двух я знала по театру, одну видела в сериале, четвертая показалась моложе указанного диапазона. Мы поздоровались без вопросов о Владиславе. Профессиональная вежливость иногда была лучшей формой сочувствия.

Ко мне подошла женщина с планшетом.

— Марина Сергеевна? Я Татьяна Корнеева, кастинг-директор. Пройдемте сначала в переговорную.

В комнате были только стол, три стула и бутылки воды. Татьяна села напротив, не предлагая мне расслабиться.

— Самопробы смотрели Инга Валерьевна и редакторская группа. По актерской части вопросы будут в зале. Я должна уточнить график и риски. До конца октября у вас шесть спектаклей?

— Да. Даты здесь.

Я передала распечатанный перечень.

— Возможны замены?

— Театр готовит другую исполнительницу. Если она войдет раньше, меня освободят письменно. Пока считаем эти даты занятыми.

— Судебные заседания назначены?

— Нет. Заявление подано. О дате я уведомлю агента сразу после повестки.

Татьяна подняла взгляд от планшета.

— Вопрос личный, но для производства необходимый. Есть вероятность, что ваш супруг попытается препятствовать работе через театр, прессу или партнеров студии?

— Через театр он может усложнить согласование, поэтому у меня есть письменный график. За прессу я отвечать не могу. Моих договорных обязательств он не контролирует.

— Вы готовы участвовать в продвижении сериала?

— В продвижении сериала — да. Обсуждать детали развода как часть рекламной кампании — нет.

— Это понадобится закрепить отдельно, если дойдет до договора.

— Именно поэтому я говорю сейчас.

Она поставила отметку.

— И последнее. Девять лет назад вы отказались от проекта этой студии за несколько дней до финального оформления.

— Знаю.

— Причина может повториться?

— Нет.

— Что изменилось?

— Тогда решение за меня фактически сформулировал муж, а я согласилась и передала отказ через агента. Сейчас я сама проверяю график, договор и финансирование. Если приму предложение, отвечать за него буду я.

— Вы считаете старый отказ ошибкой?

— Способ отказа — да. Насчет самого решения у меня тогда не было всей информации.

Татьяна закрыла планшет.

— Спасибо. В зале будет Роман Андреевич. Он может вернуться к этой теме.

— Я предполагала.

Пробный зал оказался небольшим. На полу лежали две метки, камера стояла в трех метрах от стула. За монитором

сидели Инга Рябцева, Роман и мужчина, которого представили как редактора заказчика. Инга была в темной рубашке с закатанными рукавами. Роман встал, когда я вошла.

За девять лет он почти не изменился внешне: стал короче стричься, прибавил седины, отказался от очков. Я помнила его тридцатилетним продюсером, который сам носил коробки с пробными дисками и знал стоимость каждого съемочного дня. Сейчас он выглядел человеком, которому коробки приносили по расписанию, но цены он по-прежнему помнил.

— Добрый день, Марина Сергеевна, — сказал он.

— Добрый день, Роман Андреевич.

Инга показала на стул.

— Начнем со второй сцены, с племянником. Партнер будет за камерой. Не смотрите в объектив, метка справа.

Я села и положила руки на колени. На сцене предмет в руке помогал распределить внимание. Перед камерой лишнее движение становилось отдельной репликой, и я это знала теоретически. Практика оказалась жестче знания.

Партнер начал. Я вошла в сцену с заранее подготовленной паузой, дала поворот головы на ключевой фразе и точно рассчитала момент, когда голос должен стать тише. Через две страницы Инга подняла руку.

— Стоп. Спасибо.

Я не спросила, достаточно ли ей. По тону было ясно: достаточно, чтобы увидеть проблему.

— Вы уже знаете, где мы должны вас пожалеть, — сказала

она. — А женщина в сцене еще пытается добиться от племянника ответа. Уберите результат. Слушайте, что он вам говорит.

— Поняла.

— Не совсем. Вы делаете сильную театральную сцену. Мне нужна женщина, которая не знает, удастся ли ей удерживать разговор. И еще: не берегите лицо. Камера его не потеряет.

Я встала, размяла пальцы и снова села.

— Можно начать с его первой реплики без объявления?

— Можно.

На втором дубле я убрала поворот и запланированную паузу. Первые три реплики стали суше, зато я услышала, что партнер не обвиняет меня, а просит разрешения солгать. Это меняло задачу. Я не защищалась. Я не давала ему взять на себя мою вину.

Когда сцена закончилась, Инга не остановила запись сразу.

— Теперь первая, — сказала она. — Стоя. Врач будет сле-
ва.

Редактор заказчика наклонился к Роману и что-то тихо произнес. Я не различила слов и не стала придумывать их смысл.

Первая сцена требовала давления. Моя героиня задавала врачу вопросы о свидетельстве о смерти сестры. На самопро-
бе я вела ее как человека, который уже заметил ложь. Инга

попросила начать с доверия.

— Если вы приходите разоблачать, нам нечего смотреть пять минут, — объяснила она. — Допустите, что он может дать разумный ответ. Вы же хотите его получить.

Я попробовала. На середине сцены партнер перепутал слово и исправился. Раньше я бы удержала свой рисунок. Здесь оговорка заставила меня переспросить, и вдруг возникла нужная трещина: героиня увидела страх, спрятанный за ложью.

— Стоп, — сказала Инга. — Еще раз с момента про журнал приема. Сохраните вопрос, но не повторяйте найденную реакцию.

Третий проход получился менее эффектным и точнее. После него мне предложили выйти в коридор на десять минут.

Я выпила воды и написала Юлии: «Сыграла крупнее, чем нужно. Дали исправить». Она ответила: «Если дали, ты еще в комнате».

Татьяна позвала меня обратно. Редактор заказчика ушел, оператор выключил камеру. За столом остались Инга и Роман.

— По материалу на сегодня все, — сказала Инга. — Я хочу обсудить доступность на партнерскую пробу, но сначала у Романа Андреевича есть вопрос.

Роман не посмотрел на бумаги.

— Девять лет назад вы подтвердили участие в «Пределе», прошли примерку и ушли за четыре дня до договора. Что

помешает вам сделать это снова, если ваш нынешний семейный конфликт усилится?

— Ничего, кроме моего решения и подписанного обязательства. Абсолютной гарантии поведения другого человека я вам не дам.

— Вы называете это поведением другого человека. Письмо об отказе подписали вы.

— Да.

— Тогда почему в анкете написали, что обстоятельства не повторятся?

— Потому что девять лет назад я позволила Владиславу оценить проект вместо меня. Он сказал, что финансирование не подтверждено, график сорвет сезон, а мое имя используют в презентациях. Я не проверила это у вас и передала отказ через агента. Сейчас переговоры веду сама.

Роман сложил руки на столе.

— Финансирование было подтверждено.

— Теперь я это знаю.

— Тогда вы могли спросить.

— Могла. Я не позвонила. Это было непрофессионально.

Инга наблюдала за нами, не вмешиваясь. Разговор не относился к семейной исповеди. Продюсер проверял, можно ли поставить мой выход в расписание и не потерять деньги. Его недоверие было неприятным, но законным.

— Владислав сейчас контролирует ваш театр, — продолжил Роман. — У вас шесть дат. Если он изменит график?

— У меня письменное соглашение. Любое изменение должно пройти через агента и юриста проекта. Я не буду принимать его по телефону.

— Если пресса начнет связывать сериал с разводом?

— Я выполню согласованные рекламные обязательства и не стану рассказывать о браке ради охвата. Это нужно зафиксировать в договоре.

— Вы еще не получили роль, но уже редактируете договор.

— Я отвечаю на ваш вопрос о надежности.

Уголок его рта едва изменился. Это не было улыбкой, скорее признанием точного ответа.

Инга перелистнула сценарий.

— Вернемся к работе. Марина Сергеевна, почему на первом дубле вы сразу показали, что героиня знает правду?

— Я пыталась создать внутреннее действие и подменила его результатом. На сцене зритель сидит далеко, и я привыкла обозначать поворот раньше. Здесь это лишнее.

— Как будете исправлять?

— Разберу, чего она требует в каждом куске, и буду реагировать на партнера, а не на собственный план. Если получу материал заранее, запишу тест крупным планом без света и посмотрю, где оставляю сценические акценты.

— Камера не требует ничего не делать, — сказала Инга.

— Она требует не показывать работу отдельно от задачи.

— Согласна.

— Я хочу увидеть вас с Павлом Нестеровым. Он пробует-
ся на племянника. Десятого утром сможете?

— Да.

Роман поднял брови.

— У вас репетиция в театре.

— Была. Сегодня мне письменно подтвердили замену на
репетиционный период. Спектакль только вечером.

— Быстро.

— Я начала решать график до этой встречи.

Татьяна вошла с календарем. Мы согласовали время и
примерную длительность. Я должна была получить новые
страницы вечером, без гарантии финального решения.

Когда деловая часть закончилась, Инга первой встала.

— Спасибо. Второй дубль был ближе. Не пытайтесь к сле-
дующей пробе стать незаметной. Нам нужна ваша сила, толь-
ко направленная на партнера.

— Спасибо, Инга Валерьевна.

Роман проводил меня до двери. В коридоре никого не бы-
ло.

— Ваш супруг звонил мне вчера, — сказал он.

Я остановилась.

— По какому поводу?

— Спросил, действительно ли идет кастинг. Я ответил,
что не обсуждаю кандидаток с посторонними продюсерами.

— Он назвал меня?

— Нет. Поэтому я не могу утверждать, что звонок касался

вас.

— Но вы решили предупредить.

— Решил проверить, знаете ли вы, что риск не теоретический.

Я достала телефон.

— Я передам информацию агенту и адвокату проекта, если дойду до договора. Сейчас сообщу своему адвокату.

— Вы не спросите, что еще он говорил?

— Это был ваш разговор. Если там есть факт, способный повлиять на мою работу, скажите. Если нет, мне не нужны пересказы.

Роман посмотрел на меня дольше, чем требовал ответ.

— Он заметил, что ваш театральный график нестабилен. Это все.

— Спасибо.

— Марина Сергеевна.

— Да?

— Я не собираюсь мстить вам за старый отказ. Но делать вид, что его не было, тоже не стану.

— И не надо. Если меня не возьмут из-за сегодняшних проб, я приму решение. Если из-за того, что девять лет назад я не позвонила, предпочту услышать это прямо.

— Решение будет по совокупности.

— Удобная формулировка.

— Продюсерская.

На этот раз он действительно усмехнулся, но тут же вер-

нулся в зал.

Я спустилась к машине и позвонила Анне. Она записала информацию о звонке Владислава, попросила не вступать с ним в спор и переслать ей подтверждение театрального графика.

— Сам звонок не нарушение, — сказала она. — Но фиксируем как контекст. Если начнется давление на работодателя, будем реагировать на конкретные действия.

— Он может сказать, что заботился о производстве.

— Может. Мы не будем доказывать мотив там, где достаточно проверить последствия.

После разговора я увидела сообщение от Владислава: «Нужно обсудить театр до того, как ты создашь проблемы всей труппе».

Я переслала его Юлии и ответила одной строкой: «Мой график согласован письменно. Остальные вопросы направляй Анне Михайловне».

Через минуту он позвонил. Я выключила звук.

До спектакля оставалось пять часов. Я поехала домой, разложила новые страницы на мамином обеденном столе и поставила телефон на стопку книг. В кадре помещались лицо и плечи. Я произнесла первую реплику, посмотрела запись и увидела знакомую ошибку: перед важным вопросом я заранее меняла выражение лица.

Во втором проходе ничего не готовила. Слушала запись партнерского текста и отвечала после того, как слышала сло-

ва. Получилось беднее привычного и живее.

Юлия приехала перед спектаклем. Мы сидели в гримерной, пока за дверью двигали декорации.

— Татьяна уже запросила твои документы и полный график, — сказала она. — Это не предложение, но хороший знак.

— Роман сообщил о звонке Владислава.

— Мне переслали. Я позвонила в театр и получила подтверждение шести дат. Все изменения только письменно.

— Спасибо.

Юлия посмотрела на меня в зеркале.

— Как прошла проба на самом деле?

— Первый дубль я сыграла для последнего ряда. Инга остановила. Второй был точнее. Роман спросил, не исчезну ли я снова.

— И ты?

— Сказала, что старый способ отказа был непрофессиональным.

— Без объяснения про Владислава?

— Объяснила факт, но не сделала из него оправдание.

— Разумно.

— Мне было неприятно.

— Одно другому не мешает.

За дверью помощник режиссера объявил пятнадцать минут до начала. Я начала наносить сценический грим. В этом спектакле моя героиня появлялась в первом акте и держала

почти весь второй. Еще месяц я обязана была выходить к зрителям так, чтобы они не получали скидку за мой развод.

После финального поклона администратор передал конверт. Внутри лежали новые сцены для партнерской пробы и короткая записка Татьяны: «10 сентября, 10:30. Подтвердите получение».

Я сфотографировала лист для Юлии и написала, что буду.

На служебном выходе ждали журналисты. Их было трое, без камер телеканалов, но с включенными телефонами.

— Марина, правда, что вы уходите из театра после разрыва с мужем?

— Я завершу согласованные спектакли. О дальнейшей работе сообщит мой агент.

— Владислав Павлович говорит, что вы взяли паузу. Вы разводитесь?

— Личные юридические вопросы я не комментирую у служебного входа.

— Алиса Левина действительно стала причиной?

Я могла повторить признание Владислава. Это дало бы заголовок, которого они ждали, и на несколько минут вернуло бы мне ощущение справедливости. Но я еще не решила, когда и как говорить публично. Чужой микрофон не должен был принимать решение за меня.

— Сегодня я играла спектакль, — ответила я. — Доброй ночи.

Юлия довела меня до машины. Уже в салоне я открыла

сцены. На финальной пробе моя героиня должна была услышать от племянника: «Ты всегда знала, когда тебе лгут. Просто раньше тебе было выгодно не спрашивать».

Реплика относилась к вымышленной семье, но я не стала делать вид, что не понимаю ее.

Дома я работала до двух часов. Разделила сцену на действия, убрала пометки об интонациях и оставила вопросы к партнеру. В конце записала себе одно правило: не играть женщину, которую предали. Играть женщину, которой нужен ответ сейчас.

В половине третьего пришло письмо от Татьяны. Кроме времени, там было указано, что после партнерской пробы возможна встреча с представителем заказчика. Я перечитала последнюю строку дважды.

Меня не взяли. Мне еще не доверяли. Но и не вычеркнули.

Десятого сентября я должна была снова войти в эту комнату и доказать, что второй дубль не был случайностью.

ГЛАВА 4. Контракт

На финальной пробе Павел Нестеров опоздал на семь минут и извинился перед всей группой, а не только перед Романом. Мне это понравилось. Человек, который замечал время осветителя и ассистента, обычно замечал и партнера.

Мы познакомились у камеры. Павлу было тридцать, но он не пытался играть младше героини только возрастом. В первой сцене его герой хотел защитить тетю ложью. В моей прежней подготовке я заранее знала, где разоблачу его. После замечания Инги я оставила это знание за дверью.

— Начинаем с момента, когда он говорит про больницу, — сказала Инга. — Павел, не уступайте ей только потому, что перед вами Марина Астахова. Марина Сергеевна, не побеждайте его только потому, что можете.

За монитором сидели Татьяна, Роман и Наталья Борисовна Зорина, представитель заказчика. Ее имя я прочитала на табличке. Она делала пометки в распечатанном сценарии и не подняла головы, когда камера включилась.

Павел произнес первую реплику спокойно. Я ответила. Он перебил меня раньше указанного места и заставил изменить темп. В середине сцены его герой сказал, что видел мою героиню у палаты сестры, хотя по тексту должен был признаться позже. Я не стала возвращать его к странице.

— Когда? — спросила я.

Он назвал время. Теперь ложь можно было проверить, и разговор получил точную цель.

Мы дошли до конца без остановки.

— Еще раз, — сказала Инга. — Текст держим, но оставляем найденную опасность. Марина Сергеевна, в конце не закрывайтесь. Вам еще нужен от него ответ.

На втором дубле Павел не импровизировал, но память о первом проходе осталась между нами. Я не повышала голос. Когда он отвел глаза, я пропустила эффектную паузу и дождалась следующего факта.

После команды «стоп» Наталья Борисовна попросила показать крупный план последнего куска. Затем меня вывели в соседнюю комнату, а Павел остался. Через стену было слышно только отдельные команды.

Татьяна принесла воду.

— У вас сегодня спектакль в семь?

— Да. Выезд отсюда не позднее трех оставляет запас.

— Если разговор затянется, остановите нас.

— Остановлю.

Она села напротив.

— В случае предложения подготовка начнется восемнадцатого. Первая смена ориентировочно двадцатого октября. Съёмочный период до девятнадцатого января, с перерывом на праздники по отдельному календарю. Шестьдесят четыре смены, у вас пятьдесят одна.

— Ночные?

— Пока четыре. Возможны две дополнительные по погоде.

— Натура?

— Москва, область, три дня в Твери. Заграница исключена.

Я записала. В театре график определялся афишей на месяц. В кино один перенос локации двигал работу десятков людей. Если я входила в проект, фраза «мне неудобно» не могла появляться после утверждения дат.

Через двадцать минут Татьяна попросила меня вернуться. Павел сидел у стены, теперь перед камерой стояла другая актриса. Я увидела только конец ее сцены: сдержанная, точная работа. Передо мной была реальная кандидатка, способная получить роль.

Мы ждали решения по отдельности. Наталья Борисовна попросила посмотреть оба дубля на большом мониторе. Инга сравнивала, как менялась сцена рядом с Павлом в каждом случае. Роман задавал вопросы о графике и страховании. Татьяна сверяла даты.

В половине второго меня пригласили в переговорную. Кроме Инги и Романа там была Наталья Борисовна.

— Мы готовы предложить вам роль Елены Корнеевой, — сказала Инга. — Решение по актерскому материалу мое, поддержано кастингом и заказчиком. Есть условия по камере: до съемок четыре занятия с тренером и тесты грима. Это часть подготовки, не экзамен на право остаться.

Я не позволила себе ответить раньше, чем услышала все.

— Производство подтверждает график при условии согласования театральных дат, — продолжил Роман. — Предложение направим Юлии Олеговне сегодня. До подписания оно конфиденциально.

— Понимаю. Спасибо за решение и за прямое условие по подготовке.

Наталья Борисовна закрыла папку.

— У нас будет вопрос по публичному фону. Канал не планирует строить кампанию на вашей семейной ситуации, но полностью исключить вопросы журналистов нельзя.

— Вопросы журналистов я не контролирую. Свои ответы — да.

— Это устраивает, если вы не отказываетесь от пресс-обязательств.

— Не отказываюсь.

Роман проводил нас с Юлией в договорной отдел. По дороге он сказал:

— Поздравляю. Сегодня вы были точнее.

— Павел не дал мне сыграть заранее.

— Это свойство хорошего партнера.

— И неудобного.

— В производстве полезнее второй вид.

Предложение пришло в тринадцать сорок. Юлия открыла его на планшете еще в машине. Я читала сумму, количество смен, сроки выплат и основания для расторжения договора.

Гонорар был ниже того, что Владислав обещал за фильм, но выше моего заработка за два театральных месяца. Платежи делились на три части: после подписания и подготовки, в середине съемок, после акта выполненной работы. Комиссия агента и налоги оставляли меньше красивой цифры в письме, зато деньги не зависели от семейного бюджета.

— Они хотят ответ до завтрашнего вечера, — сказала Юлия.

— Успеем проверить?

— Если их юрист не будет изображать мебель, успеем. Я отправлю нашему договорнику.

На спектакле я впервые за много лет вышла на сцену, зная, что это место больше не единственное доказательство моей профессии. Ошибки от этого не исчезли. Во втором акте я чуть раньше подала реплику и заставила партнера сократить паузу. После поклона извинилась перед ним, а не объясняла свое состояние.

Утром одиннадцатого сентября мы с Юлией приехали в «Контур» с перечнем правок. Студийный юрист Виктор Малышев подключился по видеосвязи. Роман вошел через десять минут после начала и сел рядом с окном.

— Начнем с графика, — предложила Юлия. — Все занятые театральные даты переданы. Любые новые даты требуют письменного согласования сторон. Если производство меняет смену менее чем за сорок восемь часов, актриса подтверждает доступность, а не считается согласной автоматически.

— При погодных переносах сорок восемь часов невозможны, — возразил Роман.

— Тогда отдельная процедура: уведомление, проверка театрального обязательства, предложенная замена. Мы не просим сохранить смену любой ценой.

— Если Марина Сергеевна недоступна, мы теряем локацию.

— Если студия меняет утвержденный день ночью, она уже несет производственный риск. Не надо оформлять его как нарушение актрисы.

Я слушала их десять минут, потом предложила формулировку: в пределах заранее выделенных съемочных окон я подтверждаю перенос в течение четырех часов; шесть театральных дат исключены, если театр не освободит их письменно. Виктор внес текст в документ.

— Подходит, — сказал Роман. — Оплата подготовки?

Четыре занятия с тренером и гримовые тесты в исходном проекте входили в общий гонорар и не оплачивались при отказе заказчика до первой смены. Юлия потребовала отдельную фиксированную сумму после каждого фактически проведенного дня.

— Мы не планируем отказываться после тестов, — сказал Роман.

— Тогда вам не будет трудно заплатить за работу, — ответила я.

Он посмотрел на меня.

— Вы всегда ведете переговоры лично?

— Раньше слишком редко.

— Это заметно.

— Мешает?

— Удлиняет встречу. Иногда предотвращает более длинный конфликт.

Мы перешли к рекламе. В договоре студия получала право использовать мое имя, изображение и биографические сведения для продвижения сериала. Формулировка была стандартной и слишком широкой.

— Здесь нужна оговорка, — сказала я. — Личные обстоятельства брака, развода и отношений с третьими лицами используются только после письменного согласования со мной и агентом.

Роман положил ручку.

— Вопросы уже задают. Мы не можем каждый раз получать разрешение на фразу «актриса переживает перемены в личной жизни».

— Тогда не используйте эту фразу в собственных материалах.

— Рекламный отдел должен реагировать быстро.

— На сериал или на измену моего мужа?

Юлия коснулась пальцем края папки, напоминая, что фразу стоило сформулировать точнее. Я продолжила спокойнее:

— Я участвую в интервью о проекте, съемках и роли. Если

журналист задает личный вопрос, отвечаю сама или отказываюсь. Студия не выпускает от моего имени утверждения о браке и не строит рекламные тексты на предательстве, возвращении, мести или новой жизни без письменного согласования.

— Вы хотите запретить любой контекст, который уже известен публике.

— Нет. Я запрещаю студии превращать мою биографию в рекламный сюжет без проверки. Публика может писать что угодно. Мой работодатель — нет.

Виктор включил микрофон:

— Технически это решается перечнем ограниченных тем и сроком ответа на согласование. Например, рабочий день.

— Слишком долго для текущей реакции, — сказал Роман.

— Тогда не реагируйте от моего имени, — ответила я. — Используйте имя персонажа, материал и фамилию режиссера. Если сериал нельзя продать без обсуждения моего мужа, у нас другая проблема.

Инга, подключившаяся к встрече на этой части, сказала из динамика:

— Сериал можно продать без мужа. Я не хочу, чтобы зритель с первой афиши видел в Елене жену продюсера.

Роман откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Рабочий срок ответа — шесть часов в будни, двенадцать в выходные. При отсутствии согласования материал выходит без личной формулировки. Исключение —

подтвержденные сведения из официального пресс-пакета, не связанные с разводом.

— И без цитат от моего имени, которых я не давала.

— Это и так незаконно.

— Вчера мой муж предложил мне подписать готовую цитату. Я предпочитаю лишнюю строку в договоре.

Роман задержал взгляд, затем продиктовал Виктору дополнение.

К трем часам мы согласовали оплату подготовки, транспорт после ночных смен, страхование, порядок переноса и рекламную оговорку. Остался пункт о досрочном расторжении за действия, способные причинить репутационный вред.

— Его надо сузить до установленных нарушений закона или договора, — сказала Юлия. — Семейный иск не репутационное нарушение.

— Согласен, — неожиданно быстро ответил Роман. — Иначе пункт нельзя одинаково применить ко всем.

— Тогда почему он здесь?

— Потому что типовую форму писали люди, которые мечтают заранее победить любой риск. Я не обязан защищать каждую строку только потому, что ее прислал мой отдел.

Это был первый раз, когда он признал несовершенство собственной стороны без попытки обменять признание на уступку.

После встречи проект договора ушел на чистовую проверку. Подписание назначили на четырнадцатое сентября. До

него Татьяна просила не сообщать о роли даже коллегам театра.

Владислав написал вечером: «Поздравляю с пробами. Роман не лучший человек для демонстрации независимости».

Я не спрашивала, откуда он узнал. Переслала сообщение Анне и Юлии. Татьяна подтвердила, что студия никому не сообщала результат, а факт моего присутствия могли увидеть на проходной или у входа.

— Не отвечай, — сказала Юлия по телефону. — В договор это не лезет.

— Я и не собиралась.

— Собиралась. У тебя голос меняется, когда ты пишешь идеальную реплику.

— Хорошо, что ты не семейный адвокат.

— Хорошо, что ты платишь мне за другую навязчивость.

Три дня до подписания я занималась тем, что раньше откладывала на агента или мужа. Получила справку о состоянии здоровья для страховки, проверила банковские реквизиты, составила календарь до января, внесла спектакли и судебные уведомления отдельным цветом. Купила матрас и два комплекта полотенец. В квартире у Сокола стало возможно жить, хотя уют никто не доставил вместе с покупкой.

Двенадцатого сентября Лидия Аркадьевна пригласила меня на репетицию со Светланой Крыловой, которая должна была войти в мои спектакли. Светлана десять лет играла характерные роли и знала рисунок постановки лучше многих

помощников режиссера. Я ожидала увидеть человека, неловко примеряющего чужое место, но она принесла собственный текст с точными пометками и спросила, какие переходы зависят от механики декораций.

Мы прошли второй акт без костюмов. В двух сценах она выбрала решения, которых у меня не было, и спектакль не разрушился. Это оказалось неприятнее лестной неготовности и полезнее ее.

— Я не хочу копировать ваши паузы, — сказала Светлана после прогона. — Но пока партнеры привыкли к ним, придется менять постепенно.

— Копировать не надо. Предупреди их, где берешь другое время, чтобы никто не вошел в твою реплику.

— Вы сможете прийти еще на одну передачу?

Я сверилась с календарем.

— Семнадцатого утром. Дальше только если студия подтвердит окно.

Лидия Аркадьевна записала дату и поставила подпись на обновленном плане. Владислав в театр не приехал. Через секретаря он передал, что окончательное решение о моем уходе примет после личного разговора. Я попросила приложить к заявлению копию входящей отметки и ответила письменно: прекращение трудового договора идет по установленному сроку, личная встреча не является условием.

Покидая зал, я задержалась у последнего ряда. Светлана повторяла с партнером сцену, которую публика много лет

связывала со мной. Она не отнимала мою работу. Театр готовился продолжать без меня, потому что я сама выбрала выйти из постоянного состава. Разница не делала расставание легким, но возвращала ему точное название.

Вечером Юлия прислала сравнительную таблицу договора. Я проверила каждое изменение, отметила два исправленных номера приложений и только после этого написала, что готова подписывать. Доверие к специалистам не требовало снова закрыть глаза. Оно позволяло задавать вопросы человеку, который обязан на них ответить.

Четырнадцатого мы встретились в договорном отделе. Виктор приехал лично, Инга зашла перед репетицией, Роман принес утвержденный календарь подготовки.

Я прочитала чистовой текст от первой страницы до последней. Рекламная оговорка стояла на месте. Порядок переносов соответствовал согласованному. Оплата подготовки не зависела от первой съемочной смены.

— Есть изменения после нашей версии? — спросила я.

— Только паспортные данные и номер приложения, — ответил Виктор. — Сравнительный файл направлен агенту.

Юлия подтвердила.

Я подписала три экземпляра. Роман поставил подпись от студии, Виктор зарегистрировал договор. Инга протянула мне руку.

— Теперь можно поздравить. Восемнадцатого читка. До нее получите все шесть серий и замечания по роли.

— Спасибо. Я буду готова.

Роман передал мне папку.

— Здесь календарь, контакты отделов и направление к тренеру по камере. Первый урок завтра в одиннадцать.

— В календаре он стоит на шестнадцать ноль-ноль.

Он сверился со своим экземпляром.

— Верно. Я назвал время теста грима. Тренер в четыре.

— Значит, в одиннадцать грим, в четыре занятие.

— Да. Ошибка моя.

Он не попытался сделать вид, что я придираюсь, и не обвинил помощника. Я отметила это против воли.

На выходе позвонила Анна.

— Суд принял заявление. Уведомление супругу направлено. Дата заседания будет позже.

— Он уже знает?

— Доставка отмечена сегодня утром. Вероятно, да.

В ту же минуту на экране появилось имя Владислава.

— Я отвечу, — сказала я Анне. — Запишу разговор после уведомления.

— Вы вправе фиксировать разговор, в котором участвуете. Не провоцируйте и не обсуждайте имущество без нас.

Я включила запись и приняла вызов.

— Ты подала в суд, — сказал Владислав.

— Да.

— Даже не предложила поговорить.

— Мы говорили третьего сентября. Ты сообщил об изме-

не и дал мне готовое заявление.

— Я предлагал спокойно оформить все без публичной войны.

— Иск о разводе не публичная война.

— Я согласия не дам.

— Суд учтет твою позицию.

— Ты думаешь, это формальность? У нас двадцать два года, дочь, общее имущество. Суд может дать время.

— Может. Мое решение от этого не изменится.

— Потому что Градов предложил роль?

Я посмотрела на папку с договором.

— Моя работа не причина развода.

— Но очень удачное совпадение. Он воспользуется тобой, чтобы ударить по мне.

— Роман не обсуждал тебя на пробах, кроме твоего звонка о моем графике.

Владислав замолчал.

— Значит, он рассказал.

— Если ты хочешь сообщить студии что-то о моих обязательствах, делай это через агента и с фактами.

— Я хотел убедиться, что тебя не втягивают в проект на эмоциях.

— Ты больше не проверяешь мои предложения о работе.

— Я пока еще твой муж.

— Это семейный статус, не должность представителя.

Он выдохнул.

— Не подписывай ничего сегодня. Дай мне сутки.

— Договор уже подписан после юридической проверки.

— Марина.

— Вопросы по разводу направляй Анне Михайловне. По театру — администрации и Юлии. Мне звонить можно только о Вариных чрезвычайных ситуациях. Она взрослая, поэтому таких поводов должно быть немного.

— Ты говоришь как чужой человек.

— Я говорю как человек, за которого больше не надо готовить ответы.

Я завершила разговор и отправила запись Анне. Потом открыла календарь. До читки оставалось четыре дня. Завтра меня ждали гримовые тесты и первое занятие, послезавтра — разбор роли с Ингой, вечером — спектакль. Свободные окна заканчивались.

Раньше пустой день казался доказательством того, что мной плохо распоряжаются. Теперь расписание было моим обязательством, и каждую строку в нем я согласовала сама.

ГЛАВА 5. Первый стол

К читке я подготовилась так, как готовилась к первой репетиции новой пьесы: составила биографию героини, отметила поворотные сцены и выучила монолог из четвертой серии, хотя читать предстояло с листа. К девяти утра восемнадцатого сентября я знала, где Елена Корнеева перестает верить брату, где начинает подозревать врача и где впервые признает собственное молчание.

Я не знала одного: сколько из этого надо оставить вне голоса.

Большой зал «Контура» занимал почти весь второй этаж. Столы поставили прямоугольником, на каждом месте лежали сценарий, карандаш и карточка с именем. Моя карточка стояла между Павлом Нестеровым и Дианой Мироновой, игравшей дочь погибшей сестры.

Диане было двадцать четыре. Она вежливо поздоровалась и сразу спросила:

— Можно я уточню, как к вам обращаться?

— Марина. Если при всей группе неудобно, Марина Сергеевна.

— Спасибо. Я видела запись «Дома Бернарды Альбы» с вами. Нам на курсе показывали.

— Надеюсь, не как пример того, что делать нельзя.

Она улыбнулась, потом опустила глаза к сценарию. Теле-

фон у нее лежал экраном вниз, но перед этим я успела заметить открытый новостной канал с моей фотографией. Делать вид, что никто не читал новости, было бы так же искусственно, как обсуждать их до первой реплики.

Павел пришел с термокружкой и сел справа.

— Я на пробах сбил текст, — сказал он. — Если сегодня повторю, можете остановить.

— На пробах это помогло.

— Значит, испортил вам подготовку удачно.

— Постарайтесь не делать это методом.

В зал входили актеры, редакторы, второй режиссер, специалисты по гриму и костюмам. Варвары среди них не было. Она занималась учебными и частными заказами и к этому проекту отношения не имела. Я обрадовалась отсутствию и тут же рассердилась на себя: дочь не должна была подтверждать мою самостоятельность своим присутствием или отсутствием.

Роман стоял у входа с линейным продюсером Петром Даниловым. Петр был невысоким, говорил быстро и представлялся каждому актеру лично, уточняя, получены ли графики. Когда дошел до меня, открыл таблицу.

— Марина Сергеевна, театральные восемнадцатое, двадцать первое, двадцать шестое и двадцать девятое сентября, потом седьмое и двадцать второе октября. Верно?

— Восемнадцатое уже сегодня. Спектакль вечером. Остальное верно.

— На двадцать второе октября театр пока готовит замену?

— Да. До письменного освобождения дата занята.

— Учтено. Если освободят, сообщите Юлии и координатору одновременно.

Роман услышал наш разговор, но не вмешался. Он был в зале не режиссером и не хозяином каждой реплики. Когда вошла Инга, он занял место рядом с Петром и закрыл ноутбук.

Инга начала без речи о великом проекте.

— Сегодня проверяем сценарий голосами и отношениями, — сказала она. — Не играем готовый фильм. Если слышите логическую дыру, отмечайте, после сцены обсудим. Не исправляйте текст на ходу. Первая серия, первая сцена.

Читка пошла быстро. В первых эпизодах моей героини не было, и я слушала ансамбль. Диана говорила мало, но точно меняла отношение к каждому родственнику. Павел иногда ускорялся, когда реплика казалась ему проходной. Актер, игравший брата Елены, делал его обаятельнее, чем я представляла, и будущая лож становилась опаснее.

Мой первый эпизод начинался с приезда на похороны. Я прочитала спокойно. Инга остановила только один раз, попросив не обозначать узнавание старого врача раньше его появления в дверях.

— Вы смотрите туда, где он будет стоять, — сказала она.

— В кадре дверь еще закрыта.

— Исправлю.

На третьей серии я заметила, что подготовленные дома решения начинают мешать. Я знала следующую реплику партнера и внутренне отвечала до того, как он ее произносил. Инга ничего не сказала. Это было хуже замечания: возможно, за общим столом проблема еще не мешала сцене, но на крупном плане станет видна.

Перед монологом из четвертой серии объявили десятиминутный перерыв. Я вышла в коридор, открыла окно и прочитала текст один раз без интонации. Елена объясняла племяннице, почему двадцать лет назад подписала ложное свидетельство. Монолог был длинным, с тремя поворотами и паузой после упоминания матери. Я заранее распределила каждый.

Рядом остановилась Диана.

— Вы правда уходите из театра? — спросила она.

— Да. Завершаю шесть спектаклей.

— Простите. Это не мое дело.

— Ты спросила о работе. Все нормально.

— В группе пишут, что роль вам предложили из-за истории с мужем.

Она сказала это быстро, готовясь отступить.

— Кто пишет?

— Не наша группа. Общая актерская. Там много людей.

— Роль мне предложили после открытых и партнерских проб. Решение принимала Инга с кастингом и заказчиком. Твой вопрос на этом закрыт?

Диана кивнула.

— Да. Я хотела знать, потому что у нас много общих сцен.

— Тогда в следующий раз спрашивай сразу, без вступления про чужое дело.

— Хорошо.

Она не стала уверять, что всегда верила в мою честность. Мы вернулись в зал и сели рядом.

Монолог начался на сто двенадцатой странице. Павел произнес подводящую реплику, Диана спросила: «Почему ты промолчала?»

Я подняла глаза от текста и вошла в первую подготовленную паузу.

Слова ложились точно. Я меняла темп на признании, удерживала дыхание перед именем сестры, понижала голос там, где героиня впервые называла собственную выгоду. За столом стало тихо. Эта тишина была знакомой: зрители слушали.

На середине Инга подняла ладонь.

— Марина, остановимся.

Я положила карандаш.

— Что мешает?

— Вы даете нам монолог, который уже отрепетировали и приняли. Диана в нем ничего не меняет. Даже если она уйдет, вы закончите с теми же паузами.

— Текст построен как признание.

— Признание адресовано ей. Елена хочет, чтобы племян-

ница не повторила ее выбор. Сейчас вы рассказываете залу, какая у Елены сложная судьба.

Несколько человек опустили глаза в сценарии. Я почувствовала, как лицо становится горячим. В театре меня редко останавливали посреди длинной сцены. Иногда из уважения к опыту, иногда потому, что режиссеру было проще принять готовое решение. Здесь статус не давал права занимать время сорока человек.

— Можно начать с вопроса Дианы? — спросила я.

— Да. И пусть она перебьет вас в любом месте, где не верит.

Диана посмотрела на Ингу.

— Не по тексту?

— Сначала по смыслу. Потом вернем точные слова.

Я повернулась к ней, убрав сценарий чуть в сторону.

— Почему ты промолчала? — спросила она.

Я начала. На четвертом предложении Диана сказала:

— Нет. Ты опять объясняешь, почему у тебя не было выбора.

Этой реплики в сценарии не было. Я ответила словами Елены из следующего абзаца:

— Выбор был. Я хотела сохранить то, что уже получила.

— Что именно?

Я посмотрела в текст. Там перечислялись дом, работа мужа, спокойствие матери. Ни одно слово само по себе не объясняло молчания.

— Место в семье, — ответила я. — Если бы я заговорила, пришлось бы признать, что меня держали рядом, пока я была удобна.

Инга не остановила. Диана продолжила по сцене, но теперь ее следующий вопрос стал нападением. Мне пришлось отвечать ей, а не выстроенному ритму.

Мы прошли монолог до конца. Последняя фраза прозвучала без понижения голоса.

— Вот теперь вернем авторский текст, — сказала Инга. — Сохраняем задачу. Диана, перебивания только там, где они написаны.

На втором проходе я потеряла одну подготовленную паузу и нашла две реакции, которых не планировала. Диана молчала иначе, чем на первой читке: не ждала моего завершения, а решала, верить ли. Монолог перестал быть отдельным номером.

— Идем дальше, — сказала Инга.

Никто не похлопал. Это было правильно. Мы исправили рабочую сцену и продолжили.

К обеду голос начал уставать. В театре я умела распределять нагрузку на два с половиной часа. Читка продолжалась шесть, и каждая серия требовала мгновенно вспомнить, что героиня уже знает. Я дважды спросила номер сцены, один раз перепутала, увидела ли Елена документ. Редактор исправил, и я записала в своем экземпляре хронологию улик.

Петр объявил перерыв и попросил основных актеров по-

дойти к костюмному отделу для уточнения мерок. Я обнаружила в почте письмо от Анны: Владислав получил копию заявления и через представителя запросил десять дней на обсуждение «внесудебного восстановления семьи». Анна предлагала ответить, что я готова обсуждать только порядок развода и имущество.

Я написала согласие и убрала телефон. Ни Инга, ни команда не должны были ждать, пока я сформулирую очередной ответ мужу.

Во второй половине дня мы читали пятую и шестую серии. Там Елена меньше говорила и больше принимала решения. Мне было легче: действие не требовало украшения. В финале она отказывалась подписывать удобную для семьи версию событий. Я произнесла реплику без личного нажима, хотя каждое слово совпадало с моей неделей слишком точно.

После последней страницы Инга дала общие замечания. Автору предстояло уточнить две даты, Павлу — проверить переход героя из четвертой серии, Диане — не делать финальное прощение заранее. Мне она сказала:

— Марина, у вас хорошая структура роли и лишняя уверенность в ключевых местах. До съемок работаем на партнере. На следующей репетиции я буду снимать крупно, чтобы вы видели разницу.

— Поняла.

Роман спросил, есть ли вопросы по производству. Молодой актер поднял руку и уточнил, опубликуют ли общую фо-

тографию с читки. Рекламный отдел хотел выложить кадр без подписей к личным обстоятельствам. Я посмотрела на Юлию. Она получила текст, проверила и кивнула.

— Публикуем после шести, — сказал Роман. — До этого свои фотографии не размещаем. Состав утвержден полностью, объявление общее.

Когда люди начали расходиться, Диана задержалась возле моего места.

— Спасибо, что не стали меня щадить в сцене.

— Инга не дала.

— Вы могли попросить другого партнера.

— Тогда пришлось бы объяснить, зачем мне партнер вообще.

Она засмеялась и пошла за своим рюкзаком. Я собрала сценарии. На полях монолога осталось столько исправлений, что первоначальные стрелки почти исчезли.

Инга разговаривала с оператором у монитора. Я дождалась паузы.

— Можно попросить дополнительную камерную репетицию до следующей общей? — спросила я.

— С кем?

— С Верой Ильиничной Соловьевой. Она готовит актеров для крупного плана, мы раньше работали дважды. Я оплачу ее сама. Нужны зал, камера и технический специалист на три часа.

— У вас по договору четыре занятия с нашим тренером.

— Знаю. Это сверх программы. Я хочу разобрать монолог и еще две сцены до того, как займу время группы.

Инга посмотрела расписание в телефоне.

— Мне важно, чтобы два педагога не давали противоположные задачи.

— Сначала поговорю с вашим тренером и передам Вере Ильиничне рабочие замечания. Если они расходятся, следуя вашей задаче.

— Тогда я не против. Согласуйте через Петра, чтобы камера и запись были штатными. Материал не выходит из студии.

Петр стоял неподалеку и уже слышал разговор.

— В воскресенье павильон свободен с десяти до двух, — сказал он. — Оператор тестов может прийти на три часа, но это дополнительная смена. Смету отправлю агенту.

— Отправьте мне копию. Оплата с моего счета.

— Студия может включить в подготовку, — вмешался Роман.

— Четыре согласованных занятия студия уже оплачивает. Пятое прошу я после собственной ошибки.

— Ошибка обнаружена на производственной читке.

— И входит в обычную работу. Дополнительное время нужно мне, чтобы быстрее перестроиться.

Он перевел взгляд на Ингу.

— Если режиссер считает полезным, можно провести за счет резерва подготовки.

— Полезным считаю, — сказала она. — Обязательным по нашей программе — нет. Марина предложила сама.

— Тогда оформляем аренду и техника через студию, педагог по ее договору, — решил Петр. — Без движения основного графика.

Я согласилась. Сумма за павильон и техника оказалась меньше, чем я ожидала, гонорар Веры Ильиничны — больше. Вместе это составляло почти стоимость недельного проживания, если бы мне пришлось снимать квартиру. Я могла заплатить из накоплений и точно знала, за что плачу.

Роман проводил меня до лифта.

— Вы не обязаны превращать каждое замечание в отдельный расход, — сказал он.

— Не превращаю. На замечание я ответила повтором сцены. Репетиция нужна, потому что привычка системная.

— Вы давно не снимались в большой роли.

— Семь лет. Эпизоды не считаю.

— Большой перерыв.

— Поэтому и не спорю с камерой.

Лифт пришел, но он придержал дверь.

— Сегодня вы могли потребовать дочитать монолог. Многие на вашем месте потребовали бы.

— И доказали бы, что способны мешать быстрее молодых.

— Не все так формулируют.

— Не все двадцать лет работают в помещении, где любой каприз ведущей актрисы запоминают дольше удачной пре-

мьеры.

— Значит, театр полезен.

— Иногда. В основном после того, как перестаешь принимать привилегию за уважение.

Он отпустил дверь.

— До воскресенья, Марина Сергеевна.

— Вы будете на дополнительной репетиции?

— Нет. Я утверждаю доступ к павильону, не контролирую каждое упражнение.

Это прозвучало почти как предупреждение самому себе.

Вечером студия опубликовала общую фотографию. Я стояла между Павлом и Дианой, Инга сидела в центре, Роман и Петр — с краю. Подпись перечисляла актеров и называла дату начала съемок. Ни слова о предательстве, разводе или возвращении после личной драмы.

Комментарии все равно появились. Кто-то радовался моему имени. Кто-то писал, что роль дали ради скандала. Один человек спросил, не собирается ли Роман Градов «отомстить конкуренту его женой». Я закрыла страницу после первых десяти сообщений.

Вера Ильинична ответила поздно вечером. Она могла приехать в воскресенье и попросила прислать сцены без моих пометок.

— И запись сегодняшнего монолога, если студия разрешит, — сказала она по телефону. — Мне нужно увидеть вашу работу в настоящем, без обещаний на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.